

«Скромный учитель Рериха, поэт и выдумщик»

ко Дню рождения А. А. Киселева (1838 – 1911)

к.и.н., ведущий научный сотрудник Плесского музея-заповедника

О. В. Чурюканова

Его пейзажи я назвал бы самыми цельными, простыми, при всей строгости реальной правды и знания профессорски своего предмета.

И. Е. Репин

А. А. Киселев «Зимний пейзаж». 1878, х., м.

Плесский музей-заповедник

Во втором зале постоянной экспозиции Музея пейзажа можно увидеть необычайной красоты картину Александра Киселева (1838-1911) «Зимний пейзаж» (1878 г.), в которой художник просто и искренно рассказывает о жизни маленькой русской деревушки, о настоящей русской зиме с морозным воздухом, инеем на макушках деревьев и потрясающим лунным серебром на вечернем небе. Автор этого пейзажа - обладатель интереснейшей судьбы с непредсказуемыми поворотами.

И. Н. Крамской. Портрет художника А. А. Киселева. 1883, х., м. ГТГ

Александр Александрович Киселев родился 18 июня 1838 г. в Свеаборге (сейчас адм. Район Хельсинки), воспитывался в Аракчеевском кадетском корпусе, не закончив курса в 1858 г. поступил в Петербургский университет на юридический факультет, но после его закрытия в связи со студенческими волнениями, стал посещать классы Императорской Академии художеств. В 1864 г. А. А. Киселев уезжает в Харьков работать в адвокатуре, одновременно пишет пейзажи, осваивает иконопись, ведет уроки рисования, работает в большом банке, преуспевает в карьере, становится заместителем директора банка и обеспеченным человеком. Женится. Спустя 10 лет у А. А. Киселева уже трое детей.

Когда в семидесятых годах в Харьков приехала первая передвижная выставка, и Александр Александрович увидел картины лучших русских мастеров, родные пейзажи, в нем проснулось чувство художника. Он усиленно

стал заниматься живописью и послал свои вещи передвижникам в Петербург. Там он обратил на себя внимание Товарищества, и И. Н. Крамской посоветовал ему заняться исключительно живописью. Недолго думая, А. А. Киселев бросил службу, переехал в Москву и весь отдался искусству. Сперва было трудно: средств никаких, большая семья, но горячая любовь к искусству поборола все препятствия. Он приобрел известность в широких кругах общества. Его свежие пейзажи, отражавшие русскую природу, нравились публике и хорошо раскупались. А. А. Киселев понемногу укрепился и материально, переехал в Петербург и долго жил исключительно на заработок от искусства.

После реорганизации Академии художеств, когда профессорами ее стали почти исключительно передвижники, он одно время состоял в ней инспектором, а по уходе А. И. Куинджи из пейзажного класса занял его место и стал профессором. Иногда А. А. Киселев откровенно сознавался: «Ну какой я профессор? Это так, когда другого нет. А согласился потому, что все же я хоть вреда не сделаю никому, не навяжу никому своего, что у меня есть плохого. Так и говорю своим ученикам: вы меня слушайте, а делайте так, чтоб на меня не было похоже».

Александр Александрович был и отличным пейзажистом, и прекрасным организатором, и душой компании. Став академиком Академии художеств, преподавал. Из наиболее известных его учеников можно вспомнить Николая Рериха. С 1897 года А. А. Киселев руководил пейзажным классом в Академии художеств.

По воспоминаниям русского художника Я. Д. Минченкова, в 90-х годах А. А. Киселев был уже стариком, ходил прихрамывая с палочкой. Один сапог у него был с толстой двойной подметкой. Сжимал и морщил лицо и сильно щурил один глаз. Тон его речи был полшутливый, без едкого сарказма или горькой иронии. У него все выходило безобидно и немного поверхностно, скользяще, подчас красиво. Картина - душа художника, его портрет. По ней можно заглянуть во все изгибы его души, характера. То, что было в картинах

А. А. Киселева, лежало и в основе его натуры. Ему не свойственна была большая углубленность в жизнь, как в картинах его не было глубокого проникновения в природу. Он не проявлял исчерпывающего интереса к чему-либо, мысль его точно скользила по поверхности жизни, вылавливая в ней красивое или невинно-комическое, но как человек образованный, вращавшийся в кругу людей науки и искусства, он много знал, был интересным и приятным собеседником и обладал достаточным запасом интересных воспоминаний из пережитого, которые он передавал со своим легким юмором.

Все это увязывалось с его картинами, со светлыми, радостными тонами его пейзажей, немного идеализированных и подкрашенных, но в которых все же была культурная уместность и искренность чувства.

В большой академической квартире А. А. Киселева, как почти у всех передвижников-питерцев, были свои вечера, содержание которых носило характер, присущий самому хозяину.

Вечера были занятые и оживленные. Александр Александрович принимал участие в забавах молодежи и, казалось, был самым изобретательным человеком в проведении вечеров и объединении молодежи с почтенными гостями.

Он очень любил стихи и сам сочинял их. Его стихи, главным образом басни, были гладко написаны и остроумны. Красивая легкая рифмованная шутка давалась ему свободно.

Обступает его молодежь и пристает:

- Александр Александрович! Напишите скороговорку, да подлиннее, чтоб язык можно было сломать.

Вытаскивают кресло на середину зала, усаживают в него Киселева и ждут. А он наклонит набок голову, еще больше прищурит левый глаз и - уже готово.

- Пишите! Только чтоб читать без отдыху, да побыстрей!

Александр Александрович диктует:

На мели мы лениво
Налима ловили,
А в домике цветами
Алела малина.
За малиной цвела лебеда.
Не беда,
Что в малину, меня
Не любя, вы манили,
Что про все вы забыли,
А меня в том винули -
Вот в этом беда!

Попробовали читать записанное и со смехом «ломали язык» на половине, а потом говорили:

- Да это вы, Александр Александрович, заранее приготовили, а вот мы придумаем такой стих, такие слова, что к ним не подберете рифмы.

- Ну вот увидите, ну вот увидите! - прыгала егоза-гимназистка.

- Ладно, пробуйте, - соглашался Киселев.

Молодежь убегает в другую комнату. Смех, спор! Выходят. Высокий худой юноша объявляет:

- Мы начали писать глубочайшее по идее и великолепное по форме стихотворение, но на второй строке вдохновение у нас выветрилось, а потому просим вас закончить стих.

Александр Александрович ждет. Юноша, став в театральную позу, прыскает со смеха в платок и начинает:

Покататься хотят девочки.

Вот оседланы и лошади...

и останавливается, а Киселев продолжает:

Я во двор гляжу, надев очки,

- Грязи нет, хоть без калош иди.

- Что? Поймали? - кричат кругом, и при общем смехе Александр Александрович объявляется непобедимым стихотворцем и первым поэтом Васильевского острова. Собирается подписка на сооружение ему при жизни памятника. При выборе для него места присутствующий здесь Мясоедов предлагает поставить памятник в Зоологическом саду и вносит на его построение первый камень - коробку спичек.

К спичечным коробкам А. А. Киселев был равнодушен. Он машинально клал в карман лежавшую перед ним коробку и уносил домой. Там он разгружал свои карманы и из собранных за зиму коробок сооружал весной с детьми в саду целые замки причудливой архитектуры. Спичечные коробки служили кирпичами при постройке.

Как пейзажисту А. А. Киселеву необходимо было писать этюды. Это вызывало большие расходы, если ехать приходилось далеко - на Кавказ или в Крым, особенно с семьей. И вот у него, как и у некоторых других художников-передвижников, явилась мысль завести свой уголок, свою дачу-мастерскую, где можно было бы дешево жить и с удобствами работать. Это предприятие казалось не таким дорогим, требовалась только единовременная затрата на постройку. Содержание же дачи должно было стоить не дороже найма чужого помещения. «А главное, - говорил А. А. Киселев, - подумайте: вы приезжаете в свою мастерскую, - свет, удобства для работы, никто и ничто вам не мешает. Какая продуктивность в работе, какая независимость! Правда, вы становитесь улиткой, прикрываетесь своей крышей, как раковиной, от внешних поражений, поводите из-под нее усиками, озирая маленький мирок, вас окружающий. Нет широкого простора, мал вам горизонт, вы связаны местом, но зато вы не треплетесь по пустякам, не тратите энергии на житейскую дребедень и отдаетесь исключительно искусству. В настоящее время только при таких условиях можно независимо работать. Посмотрите, за границей все художники так и делают - те, конечно, кто имеет для этого возможность».

Сказано - сделано. На Кавказском побережье чуть ли не даром раздавались участки с условием, чтобы на них были построены жилища.

Киселев выбрал участок в Туапсе, на горе у скалы Кадоша. Чего лучше: перед глазами море, Кавказ, горы... Для художника - рай! «Я видел море, очами жадными простор его измерил», - повторял в восторге Александр Александрович. С большими затруднениями, войдя в долги, он построил свою дачу и с увлечением стал писать кавказские горы и море.

И действительно, новые благоприятные условия дали ему возможность без особых помех отдаться искусству, а в природе был неиссякаемый материал для пейзажиста. Киселев блаженствовал, в его вещах появились впечатления от новой для него природы и даже свежесть письма. Он, что называется, встряхнулся и ожил под южным солнцем.

В 2011 г. в Туапсе торжественно открыли памятник академику живописи, прославившему город на века. Автор скульптурного портрета – молодой, но известный русский скульптор Виталий Шанов сделал городу великолепный подарок.

Дом-музей А. А. Киселева в Туапсе

Живописная природная достопримечательность Туапсе находится в четырех километрах к северо-западу от города, между мысом Кадош и устьем реки Агой. Известна как «Скала Киселева» и тому, что на пляже возле этой скалы снимали известную сцену рыбалки из кинофильма «Бриллиантовая рука». В начале XX века недалеко от этого места находилась дача Александра Александровича Киселева — известного русского художника-демократа, передвижника. В своих картинах он воспевал красоту природы Причерноморья, а на одном из полотен изобразил и эту скалу («Кадошские скалы»). Местные жители в знак признательности художнику назвали скалу его именем.

А. А. Киселев. Кадошские скалы. 1902, х., м.
Вязниковский историко-художественный музей

В глубине души Александр Александрович не считал себя выдающимся художником, к ним он причислял Серова, Левитана, Куинджи. Себя считал неплохим копировальщиком природы. В этом он признался себе уже в конце жизни. Но зато у него был редкий дар бескорыстного служения искусству. Киселева заметили и оценили: последние 15 лет жизни он был Президентом академии художеств и занимался преподавательской деятельностью. У него учился Н. Рерих.

О себе, о своих работах Александр Александрович говорил очень мало, а когда и говорил, то в шутовском тоне. В его шутках, незлобных выпадах как бы слышалось: «Не будем говорить серьезно о моем искусстве, оно для вас не так дорого. Будем шутить, каламбурить, а любовно беседовать со своими работами я буду один в своей мастерской».

И в большинстве его вещей чувствуется искреннее чувство, любование природой. В нем теплится огонек, который мерцал ему на всем длинном жизненном пути и из жизни спокойной и, может быть, прибыльной уводил на путь сомнений, разочарований, житейских невзгод в туманные и заманчивые дали искусства. Он привел его, наконец, к профессорскому месту, усаживаясь на которое Александр Александрович шутил: «Куда ни шло: побуду и я профессором, себе на пользу, но чтоб и другим не во вред».

Он уверял, что в творчестве все держится на любви к искусству, и это чувство, самое ценное, должно отражаться во всей работе вашей. А чуть остыли вы к искусству, - повеет холодом от произведений ваших, искусство от вас отвернется: «И будьте уверены, искусство вам не изменит и за ваше чувство отблагодарит. Все, что вы искренне и любовно сделаете, никогда не пропадет и будет иметь цену и значение».

Ставил себя примером: «Кто я был? Полировщик банковских табуреток и духом раб, ничтожный червь мира сего, но стоило мне полюбить искусство, и оно снизошло ко мне, малому, и повело меня до самых царственных берегов Невы. Вкушая горечь мира, я в то же время переживал такие сладкие мгновенья, о которых до того и мечтать не смел! И вот - как

только смогу купить себе к пиджаку брюки - запишу в свой дневник: «Какие счастливые мы люди - художники!».

А. А. Киселевым было написано более 800 картин. Многие из них («С горы», «Старый Сурамский перевал») хранятся в Третьяковской галерее. Известны факты попытки подделки его работ, свидетельствующие о большой популярности живописи этого мастера среди коллекционеров.